ЕВРОПА 27.10.2023 | Марко Бичнау

Глубокий выдох

За год пребывания Мелони во главе правительства стало понятно, что называть ее «постфашисткой» не только необоснованно, но и бессмысленно

В любом учебнике по истории можно прочитать, что фашизму в Италии был положен конец в конце апреля 1945 года. 27 апреля Бенито Муссолини с окружением остановили возле города Донго партизаны-коммунисты, которые расстреляли дуче и его любовницу Клару Петаччи, привезли тела в Милан и подвесили их вверх ногами на крыше автозаправочной станции. Всего через несколько дней министр обороны Родольфо Грациани капитулировал вместе с остатками вооруженных сил, положив конец недолгому существованию Республики Сало, которую создали в 1943 году как марионеточное государство Германии и которую через несколько десятков лет Паоло Пазолини использует как место действия своей экранизации «120 дней Содома». После этого наступил период потрясений: отмена монархии, конституционная реформа, евроинтеграция.

Но идеологии никогда не умирают полностью. Отвергнутый фашизм вскоре вернулся в форме неофашизма. Однако разница была очевидной: некогда массовое движение превратилось в разрозненную стаю движений и фракций, которые не могли закрепиться в послевоенной парламентской политике Италии, где доминировала Democrazia Cristiana. Да и вообще в молодой республике большинство проблем возникало именно из-за коммунистов – они убили бывшего премьер-министра Альдо Моро в период так называемых Свинцовых лет, когда праворадикальный и леворадикальный терроризм чередовались между собой.

Джанфранко Фини, который первым деидеологизировал Movimento в 1990-х годах, назвали

По-настоящему напряжение спало только с распадом советской империи, приблизив Италию к идеологической норме Западной Европы. Независимо от того, насколько шаткими были партийно-политические группы (Democrazia Cristiana распустилась в 1994 году, и функционально ее заменила

«постфашистом». Глава партии Fratelli, премьер-министр Джорджа Мелони, сейчас оказалась в похожей ситуации.

Popolo della Libertà недавно умершего Сильвио Берлускони), были правые и левые центристы, которые боролись за кресло премьер-министра. Было и несколько меньших партий, которые их поддерживали, когда считали нужным.

Начиная с 2010 года, римская политическая карусель снова начала вращаться быстрее. Сначала технократический кабинет Монти, пришедший к власти на волне кризиса евро, затем подъем и падение «Движения пяти звезд» и Lega и, наконец, в 2022 году триумф партии, которая ранее набирала не более десяти процентов: Fratelli d'Italia. У этой партии, которой в то время было менее 10 лет, уже была несколько сомнительная репутация из-за ее взглядов и истории, которая тянулась через *Alleanza Nazionale* и *Movimento Sociale Italiano* к неофашизму послевоенного периода.

Фашисты, постфашисты, или, может, неофашисты?

Джанфранко Фини, который первым деидеологизировал Movimento в 1990-х годах, а затем превратил его в Alleanza, назвали «постфашистом». Председатель партии Fratelli Джорджа Мелони, назначенная премьер-министром, сейчас оказалась в похожей ситуации. Весь мир сразу же заговорил о зловещей истории этой женщины и начал предвещать темные времена.

В случае с Fratelli есть подозрение, что ярлык прежде всего используют для делегитимизации и часто считают необязательным

В этом почти никто не сомневается, несмотря на то, что у этого суждения есть и определенные недостатки. Приставка «пост-» (в отличие от «нео-») сама по себе означает только то, что что-то следует за чем-то другим, и в зависимости от контекста может указывать и на отход от предыдущей позиции. Например, термин «постмодерный», как известно, указывает на отход от модернизма и его веры в прогресс. Назвать партию «постфашистской» означает просто то, что в какой-то момент существовала определенная отсылка к фашизму, но сейчас это уже не является сутью партии – по крайней мере, не в той форме, которая бы оправдывала постоянное навешивание такого ярлыка. С точки зрения

> истории идеологий это может быть интересно, но это имеет мало отношения к настоящему политическому анализу. Было бы продуктивнее поинтересоваться, какую роль партия играет в политической системе, кто ее избиратели и насколько она эффективна как партнер в коалиции и в правительстве.

В случае с Fratelli есть подозрение, что ярлык прежде всего используют для делегитимизации и часто считают необязательным. «Постфашистка убаюкивает Европу», – предупредил Оливер Майлер в статье о Мелони в газете Süddeutsche Zeitung и шепотом добавил, что не стоит вводить себя в заблуждение тем, что она якобы безвредна: «пламя фашизма все еще горит». Подтекст заключается в том, что о приставке здесь как бы и можно забыть. Это лишь маска, а если взглянуть ближе, мы видим ту самую бездну тоски по прошлому.

Материал в «taz» еще более прямолинеен, рассказывая о «girl boss фашизме». Следите за руками: размытый постфашизм, которому никто не может дать точного определения, становится жестким современным фашизмом, а Fratelli – последним воплощением Partito Nazionale Fascista Муссолини.

Такое же правительство, как и все?

Следует признать, что такие концептуальные повороты не слишком и удивляют, поскольку обвинения в фашизме со всех сторон сейчас переживают настоящее возрождение. В США Дональда Трампа назвали фашистом после первого же случая нецензурного высказывания. А он сам с удовольствием играет в ту же игру и регулярно называет фашистами всех, кто его критикует. На старом континенте ситуация не слишком отличается: «фашизм» превратился в типичный маркер, просто негативную характеристику, под зонтиком которой объединяют разнообразную мешанину популизма, национализма и авторитаризма.

Такое универсальное использование терминов редко бывает эффективным. Неосторожное обращение с этим термином «не только контрпродуктивно, но и не учитывает исторические факты», как мудро прокомментировал Михаэль Брёнинг в начале года. Ведь «как кто-то может быть фашистом, если все – фашисты?» Никто не будет воспринимать всерьез обвинение, которое со стороны кажется преувеличением или ударом ниже пояса.

Если Мелони удастся обеспечить стабильное, бесконфликтное правление на Апеннинском полуострове в будущем, она в конце концов может принести неожиданные преимущества

Подытоживая результаты года правления «постфашизма», очевидно, что мрачные чернорубашечники Fratelli все еще не маршируют по улицам Рима. Зато правительство Мелони делает то, что можно было бы ожидать от любого другого правоцентристского альянса при отсутствии христианско-демократической альтернативы: работает над структурными реформами, вводит льготы для малого бизнеса и сокращает расходы на социальное обеспечение, противодействует промышленной политике на уровне ЕС и дышит в спину соседям-французам.

Что касается украинского вопроса, несмотря на опасения относительно якобы «русофилии» главы правительства, Мелони продемонстрировала образцовую солидарность. А что касается вопроса миграции беженцев, правительство действительно придерживается ограничительного курса, но далеко не с таким рвением, как в период Конте, когда Маттео Сальвини, который с тех пор перешел на вопросы инфраструктуры и транспорта, почти непрерывно воевал с различными спасательными организациями.

Таким образом, вместо историй о демонице-фашистке под прикрытием постфашизма приходится говорить о том, что в целом все работает, как всегда, а премьер-министр – далеко не настолько враждебна ко всему европейскому, как это часто утверждали. Зато она знает, как завоевывать расположение людей тем самым сочетанием народности, ловкости, жесткости и инстинкта, которые в свое время помогли политическим достижениям Берлускони. Конечно, это одобряют не все, особенно не те, кто хочет получить жесткого радикала во власти для утверждения собственного мировоззрения.

Главный интерес Европы должен заключаться в стабильном, бесконфликтном правлении на Апеннинском полуострове. Если Мелони удастся обеспечить это и в будущем, это в конце концов может принести неожиданные преимущества. И, возможно, поспособствовать снижению идеологического напряжения.

Марко Бичнау

Марко Бичнау (Marco Bitschnau) имеет ученую степень по политической социологии Швейцарского форума по изучению вопросов миграции и населения (SFM) при Университете Невшателя и является научным сотрудником Швейцарского национального научного фонда. Главными темами его научных исследований являются миграция, популизм, демократия и социальное государство.